

*Я — не герой. Я просто делал то,
что должен был делать. Вот и всё.*
Георгий Владимов

Литературоведу, надумавшему изучать жизнь и творчество писателя Георгия Владимова, сразу же, едва только он начнёт знакомиться с биографией объекта своего интереса, становится ясно: этот человек был рождён для того, чтобы стать воином. Вся его долгая 72-летняя жизнь — суть одна непрекращающаяся битва: с мраком невежества, с людской низостью и подлостью, бесчестием и предательством, казённой ложью и государственным насилием, идеологической цензурой и властной тиранией. То есть — шире — Добра со Злом и Света с Тьмой, если использовать эти метафизические понятия, о существовании которых известно абсолютному большинству человечества. Которое, однако же, само никогда не спешит таскать каштаны из огня, предпочитая, чтобы этим опасным делом для него занимались другие — те, кого оно привычно именует «отважными героями», «мучениками за веру» и «рыцарями без страха и упрёка». И в этом — не его вина, но беда. Поскольку от героев, мучеников и рыцарей в истории остаются имена, крылатые высказывания и написанные ими книги, а от тех, кто знал, что Земля вертится, но чья совесть была погребена под каменными завалами забот о содержании многочисленной семьи, — не остаётся ровным счётом ничего кро-

ме надписей на надгробных плитах, обелисках и крестах. Которые по прошествии лет имеют обыкновение стираться и исчезать, растворяясь — вместе с останками тех, кто под ними погребён, — в ледяной космической пустоте. Ещё раньше там же исчезает память о таких людях.

Можно долго дискутировать о том, принадлежал ли писатель Георгий Владимов к числу рыцарей, мучеников и героев. Но не подлежит никакому сомнению то, что он принадлежал к числу тех людей, которые не растворяются сами, и память о которых сохраняется на долгие годы после их смерти.

* * *

Несомненно, выбор профессии был предопределён самим фактом рождения.

Георгий Владимов родился 19 февраля 1931 года в Харькове. Его родители — Николай Волосевич и Мария Зейфман — оба были филологами, учителями русского языка и литературы. Семья, однако же, распалась, когда их сыну было лет семь. Отец Георгия женился на другой, мать замуж больше не выходила. В 1941 году, когда началась война с немцами, Николай Волосевич был мобилизован в так называемую «трудармию» и отправлен на строительство оборонительных сооружений — копать рвы и устанавливать противотанковые заграждения на дорогах. Там, на этих работах, он и попал в немецкий плен. Из которого не вернулся. Бывшая его жена с сыном оказались в эвакуации в глубоком тылу — сначала в Киргизии, затем в Саратове, а два года спустя, в 1943-м — в Грузии, в городе Кутаиси. Там, как рассказывал Георгий Владимов о самом себе без малого шесть десятилетий спустя в незавершённом автобиографическом романе «Долог путь до Типперэри»:

« <...> поздней осенью 1943 года 12-летний мальчик надел чёрную униформу с голубыми погонами и повторил в общем строю за начальником [Кутаисского суворовского] училища полковником Гурьевым воинскую присягу <...>: “... и торжественно клянусь: быть храбрым, стойким, дисциплинированным бойцом... не щадя крови и самой жизни... Если же я нарушу эту мою торжественную клятву, пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся”».

Мария Зейфман, мать Георгия Волосевича, поступила в то же училище в привычном ей по прежней, довоенной службе качестве — преподавателя русского языка и литературы.

Суворовское училище в Кутаиси носило имя Феликса Дзержинского, принадлежало к системе так называемых «органов» и готовило кадры для «зелёных фуражек» — пограничных войск НКВД СССР. В 1946 году, в период, когда послевоенный Советский Союз потрясала лихорадка всевозможных бюрократических переименований (наркоматы превратились в министерства, наркомы — соответственно, в министров, а комиссары госбезопасности — в генералов), расщепле-

ний, слияний и поглощений, училище было передислоцировано — с крайнего юга почти на самый север. Так курсант Георгий Волосевич и его мать оказались в городке Новый Петергоф, расположенном неподалёку от Ленинграда.

Город, почти подчистую вымерший во время страшной 900-дневной блокады 1941–1944 годов, медленно приходил в себя. Одновременно с пошедшими в рост заново высаженными на его бульварах, в скверах и парках деревьями возрождался и самый петербургский дух — высокомерного презрения и неистребимой оппозиционности по отношению к узурпаторам власти, главарям большевистского террористического режима и, как следствие, послевоенное «закручивание гаек» началось именно с этого города. Старт новой репрессивной идеологической кампании был дан публикацией в газетах постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Это был тот самый насквозь лживый, имевший отчётливо погромный дух документ, в котором поэтесса Анна Ахматова именовалась «не то барынькой, не то блудницей», а беллетрист Михаил Зощенко — «пошляком от литературы». Каждому, имевшему несчастье жить в сталинском Советском Союзе, у кого в голове были не опилки, а мозги, было ясно: от навешивания таких ярлыков до «привлечения к ответственности по всей строгости» — всего один шаг.

Пятнадцатилетнему курсанту Ленинградского суворовского училища Георгию Волосевичу это было ещё не ясно. Но, после того как он сначала прочитал получившее печальную известность постановление, а затем, движимый вполне естественным для его возраста интересом, одну из книг Зощенко — чтобы понять, что он пишет и отчего его с такой яростью бранит государственное руководство СССР, — он всё понял. А поняв, совершил свой первый в жизни «антигосударственный поступок» — отправился к опальному литератору Зощенко в гости, чтобы выразить ему своё восхищение от того, как он пишет, а заодно и негодование — травлей, которой его подвергли те, кто не разбирается в литературе.

Демарш юного суворовца не остался без последствий. Как только начальству стало известно о том, к кому он ходил (а начальству в тоталитарных странах о таких вещах становится известно всегда), в отношении курсанта Волосевича было осуществлено расследование с целью выявления его «антисоветской сущности». «Дело» дошло до самого казавшегося всемогущим сталинского министра госбезопасности Виктора Абакумова. Товарищ Абакумов изволил топтать на начальника Ленинградского суворовского училища ногами и потрясать перед его лицом сжатым кулаком.

Расследование «чрезвычайного происшествия» в кузнице кадров пограничных войск было поручено высокопоставленному сотруднику Управления военно-учебных заведений — полковнику МГБ Антону Гордиевскому. (Это был тот самый полковник Гордиевский, чей младший сын Олег, тоже полковник, но уже не МГБ, а КГБ, получил в 1985 году всемирную известность в качестве наибо-

*Курсант Георгий Волосевич
(Владимов)*

лее успешного в истории «холодной войны» двойного агента — советского разведчика и британского шпиона.) По результатам расследования, осуществлённого полковником Гордиевским, курсант Волосевич как минимум мог узнать, как происходит срывание с плеч голубых погон (процедура, донельзя позорная и автоматически превращающая курсанта в парию), как максимум — вместе с погонями потерять и чёрную суворовскую форму. Но — обошлось. И из училища не выгнали, и погоны срывать не стали. Но желание становиться офицером-пограничником у курсанта Волосевича с той поры пропало — сразу и навсегда. Поэтому, окончив в 1948 году училище — и не просто, а с отличием, — он сразу же подал документы на поступление в Ленинградский университет, решив стать юристом.

* * *

Как со всей очевидностью свидетельствует биография Георгия Владимова, советский режим мешал ему жить с самой юности — и почти до самого своего конца.

Через четыре года после «казуса Зоценко» ему — в ту пору студенту 5-го курса юридического факультета ЛГУ — привелось на собственной шкуре узнать, что означает выражение «сын врага народа». Это произошло после того, как в декабре 1952 года была арестована его мать, Мария Зейман, обвинённая в проведении «антисоветской агитации и пропаганды» и год с лишним спустя отправленная в концлагерь на 10 лет, хотя и с правом переписки. Тогда он, выгнанный из ведомственной комнаты, принадлежавшей всё тому же Ленинградскому суворовскому училищу, где до ареста продолжала служить его мать, оказался в положении бомжа — в самом прямом смысле этого слова. Чтобы не подохнуть с голода и завершить обучение — до экзаменов на получение диплома оставалось всего полгода, — Георгий Волосевич был вынужден добывать средства на самых чёрных работах. Был он и грузчиком, и землекопом, а где и как жил — то есть выживал, — лучше не рассказывать, поскольку те, кому этого перенести не привелось, всё равно не поймут, а тем, кому привелось, рассказывать незачем — такое не забывается никогда.

Диплом студент Волосевич получил. Однако остался при этом без распределения — то есть не получил обязательного в системе советского высшего образования направления на работу, от которого невозможно было отказаться и где следовало отработать не менее трёх лет. Объяснено это ему было университетским начальством тем, что в этот год-де в стране случилась незадача — образовалось так называемое «перепроизводство юристов». Это означало, что число

имевшихся вакансий не соответствовало количеству выпускников юридических факультетов. Поэтому на трудоустройство по полученной профессии могли в первую очередь рассчитывать те выпускники, у кого с «анкетой» всё было чисто и никаких «подозрительных пятен» в биографии не содержалось. Все прочие шли во вторую очередь. А «дети врагов народа» — по-видимому, в третью.

Так волей Судьбы — той, что пишется с прописной — было решено, что работать по полученной специальности Георгию Волосевичу не придётся никогда. О том, что его специальностью станет то, что он впоследствии с изрядной долей самоиронии назовет «царапаньем по бумаге пёрышком», 22-летний безработный Волосевич в тот момент, по-видимому, ещё не знал. Равно как не знал он и о том, что подлинная его фамилия уже довольно скоро станет принадлежать только области официальных документов, а вся будущая жизнь пройдет под другой — той, под которой он навсегда войдет в историю российской литературы XX века.

* * *

Выбор профессии был определен не давлением среды обитания, а генетически — происхождением.

Георгий Волосевич стал писать. Не беллетристику, нет — он понимал, что пробиться в советскую литературу с этим «с улицы», не имея никакой протекции и связей, совершенно нереально. Поэтому пошел путем менее тернистым и более коротким, начав сочинять рецензии — на театральные спектакли и кинофильмы. Написанное рассылал во все известные ему редакции — в основном московские, поскольку в Ленинграде с редакциями было неважно, — не особенно рассчитывая на успех. Его поначалу и не было — редакции или отвечали в духе бессмертного мандельштамовского «не трэба», или не отвечали вовсе. Как вдруг — повезло. Откликнулся журнал «Театр». Именно в этом «печатном органе» в ноябре 1954 года было опубликовано первое сочинение Георгия Волосевича — статья «Женские образы в пьесах Анатолия Софронова», подписанная фамилией-псевдонимом «Владимов». За первой статьёй последовала вторая — «К спору о Ведерникове», за ней третья — «О диалоге». И — покатило. В 1955 году фамилия театрального рецензента Г. Владимова появилась на страницах наиболее известного советского литературного журнала — «Новый мир». Это уже был успех, и весьма существенный.

Стремясь его развить, Георгий Владимов (с этого времени подлинная фамилия его навсегда попадает в скобки после псевдонима — как это положено во всех справочниках и энциклопедиях) в январе 1956 года переезжает из Ленинграда в Москву. Проведя несколько месяцев, где придется и у кого получится — без постоянной работы, впроголодь и без разрешения на проживание в Москве — той самой «прописки», без которой любой советский подданный был «не человек, а полчеловека», — и уже почти совсем отчаявшись покорить строптивую

Москву, — он вдруг сумел ухватить Фортуна за её длинный хвост. В июне 1956-го Георгию Владимову было предложено занять должность редактора в отделе прозы в журнале «Новый мир». Это была удача из разряда тех, что случаются крайне редко и воспринимаются как абсолютное чудо. Чудеса, впрочем, почти всегда имеют логическое объяснение. В данном случае таковым являлись способности, проявленные Владимовым за время сотрудничества с «Новым миром» в качестве внештатного автора. Константин Симонов, тогдашний главный редактор журнала, вполне полагался в вопросах укомплектования штата на мнение своего заместителя — Александра Кривицкого. А тот, обладая способностью мгновенно распознавать в людях то, кто на что способен и сколько при этом стоит, безошибочно определил в неизвестном ему до того времени 25-летнем Владимове наличие таких качеств, как ответственность, честность и готовность работать на общее дело за весьма скромную зарплату.

В редакции «Нового мира» Георгий Владимов прослужил три года. Самая важная его там работа в качестве редактора отдела прозы была — подготовка к публикации романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым», помещённого в трёх номерах «Нового мира» в том же 1956 году. Факт появления этого произведения стал в Советском Союзе натуральной сенсацией. И — несмотря на то, что роман этот, если рассматривать его по критериям чисто беллетристическим, не только невероятно слабый, но и вполне бездарный, да и — если уж совсем начистоту — и не роман вовсе, а повесть с очерком, — следует иметь в виду совсем другое. А именно — исторический контекст, в котором он был опубликован. Советская литература, во времена сталинского террора превращённая в одно сплошное убожество и непотребство, — за редчайшими исключениями вроде некрасовских «Окопов Сталинграда», которые лишь подчёркивали своим существованием общий её жуткий уровень, — только-только начала пробуждаться от принудительной летаргии и выбираться из графоманской трясины, со всеми её «Брусками», «Барсуками», «Цементами», «Гидроцентралями» и прочей «Чёрной металлургией». Поэтому и лежавший в редакции того же «Нового мира» без малейших шансов на публикацию манускрипт пастернаковского «Доктора Живаго», и пропущенный цензурой роман Дудинцева можно было рассматривать как те ростки, что пробиваются из земли, выглядящей намертво закатанной асфальтом. С той лишь разницей, что одному сочинению повезло быть изданным на родине его автора, вызвав заметный общественно-политический скандал, а другому — только за её пределами, зато принести ему Нобелевскую премию. Хотя по уровню собственно литературы один роман от другого отстоял весьма недалеко. Но это — совершенно отдельная история.

О том, чем ещё — какими рукописями — ему привелось заниматься, работая в редакции «Нового мира» при Константине Симонове и при сменившем его в 1958 году Александре Твардовском, Георгий Владимов рассказал в 1995 году в письме шведской литературоведке советского происхождения Марине Лунд (Аскольдовой):

«В дальнейшем я принимал участие в редактировании “Сентиментального романа” Веры Пановой, “Пяди земли” Григория Бакланова, мемуаров Довженко и Драбкиной <...>. По большей же части я занимался “самотёком”, т<о> е<сть> либо сам читал рукописи, либо полагался на мнение внештатных рецензентов <...>. Как ни мечталось мне открыть нового Толстого, за всё время выловил лишь рассказ Анатолия Клещенко, оказавшегося просто полузабытым профессионалом, вернувшимся из Гулага. Рассказ напечатали, и я мог быть доволен, что не упустил его. Думаю, не упустил бы и повесть “З/к Щ-854” некоего учителя из Рязани, но мне такого случая не выпало».

Не выпало же Георгию Владимову стать проводником в мир советской литературы для «некоего школьного учителя из Рязани» (читай: будущего нобелевского лауреата Александра Солженицына) вот по какой причине:

«Когда пришёл Твардовский, мне стало ясно, что я “засиделся”, время оставить чужие рукописи и заняться своими. Поработав с Твардовским год, я из “Нового мира” ушёл, а ещё через год пришёл в качестве автора — принёс “Большую руду”».

В означенном Владимовым годовом промежутке — между уходом из редакции «Нового мира» и возвращением в журнал в качестве его нового автора — было несколько месяцев службы в редакции «Литературной газеты». Там Владимову очень не понравилось — он привык к почти свободному новомирскому расписанию, когда сотрудники не появлялись на рабочих местах раньше полудня и исчезали задолго до шести часов вечера, а один день в неделю и вовсе был «творческим», то есть для посещения редакции не обязательным. В «Литгазете» же был натуральный конвейер, и торчать в её редакции приходилось с девяти утра едва ли не до десяти вечера. Ни одному литератору такой рабочий график прийти по сердцу не может, его способны выдерживать одни только прожжённые репортёры — из разряда тех, у которых грамматические ошибки «Валентин Петрович исправляет».

Покинув газетный цех, Георгий Владимов оказался ровно в том же положении, в каком ему уже приходилось бывать — четыре года назад, в первые месяцы после переезда в Москву из Ленинграда. С той, однако же, разницей, что теперь у него была столичная прописка и постоянная крыша над головой — и то и другое он получил после того, как в 1959 году женился на публицистке и начинающей писательнице Ларисе Исаровой. Жена интересовалась проблемами, связанными с воспитанием подрастающего поколения — «будущих строителей коммунизма»; Владимова же всё сильнее притягивала иная тема — человеческой личности в сложной жизненной ситуации, того, что обычно определяется выражением «проверка характера на вшивость». Для того, чтобы что-нибудь на данную тему написать, была необходима натура. Так Георгий Владимов, имея в кармане командировочное предписание от журнала «Новый мир», оказался на Курской магнит-

ной аномалии (КМА), намереваясь написать серию очерков о том, как трудятся на этой всесоюзного значения стройке выпускники технических институтов. Но, попав на место, совершенно для себя самого неожиданно осознал, что заявленная «под командировку» тема его как-то не особо привлекает. Привлекает же его совсем иное — люди, занимающиеся самой тяжёлой, самой «чёрной» работой. Так появился замысел сочинения о жизни и смерти шофёра Виктора Пронякина, реализованный после возвращения из поездки на КМА в виде повести «Большая руда».

Повесть, сданная в редакцию «Нового мира» вместо обещанных производственных очерков, понравилась Александру Твардовскому. Который, однако же, первоначальную её редакцию встретил с явным подозрением. Главный редактор «Нового мира» сделал множество замечаний по содержанию произведения и фактически принудил автора заново переписать текст. Георгий Владимов вспоминал:

«Хотя он (А. Твардовский. — П. М.) и напечатал “Большую руду”, сначала отнёсся к ней очень недоверчиво. Очень критиковал. <...> [Он] считал, что это какая-то жёсткая американская история, что этот парень, Виктор Пронякин, не совсем русский: любит работать, а водку не пьёт: “Это не наш русский характер”. <...> Заставил доработать. Я уехал месяца на три в Подмосковье и буквально всё переписал. Новый вариант оказался значительно лучше».

В этих воспоминаниях прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что Твардовскому, по словам Владимова, не понравилось, что его персонаж выглядит не вполне правдоподобно, поскольку работать он, видите ли, любит, а водку пить — вовсе нет. Замечание это как нельзя лучше характеризует личность самого Александра Твардовского. Всему Союзу писателей было прекрасно известно, что главный редактор «Нового мира» является хроническим алкоголиком запойного типа, что его регулярные запои дезорганизуют работу вверенной ему редакции и что к окружавшим его людям поэт Твардовский относится во многом исходя из того, пьют ли они сами или же не пьют. При этом людей непьющих он, как и подавляющее большинство хронических алкоголиков, совершенно не выносил, считая самый факт их существования как минимум немой себе укором, а то и откровенным вызовом, сталкиваясь же с пьющими, первым делом старался выведать, как тот или иной из них пьёт — больше или меньше его самого. И, приходя к заключению, что — больше, немедленно начинал испытывать к такому человеку расположение, поскольку нет для алкоголика большего счастья, как только найти для себя оправдание в том, что он сам ещё не такой забубённый алкаш, как некоторые из числа его знакомых. Именно по этой причине Твардовский так любил писателя Виктора Некрасова, о пьянстве которого в совписовских кругах слагались легенды, чем сам Виктор Платонович неизменно гордился, ни малейшего комплекса неполноценности не испытывая. Впрочем, это совсем другая тема, к рассматриваемой никакого отношения не имеющая.

Возвращаясь к «Большой руде». Придирки главного редактора не были безосновательными — начинающий писатель понимал, что они, что называется, все по делу. И предъявленные требования учёл. Результат оказался таким, на который Владимов совершенно не надеялся: после публикации повести в июльском номере «Нового мира» за 1961 год автор «Большой руды» если и не проснулся знаменитым сразу по выходе тиража журнала из типографии, то произошло это не позже, чем через две-три недели — как только в печати стали появляться первые хвалебные рецензии. Каковых, по его подсчётам, в течение двух последующих лет набралось не менее 120 — цифра, свидетельствующая о небывалом успехе писателя-дебютанта.

Почти мгновенно — полгода спустя — «Большая руда» была выпущена в виде книги в издательстве «Советская Россия». Затем последовали переводы — на языки советских «братских республик», почти всех европейских стран и на японский. Кроме того — радио- и телепостановки, театральный спектакль, экранизация.

У писателя Георгия Владимова впервые появились деньги — в количестве, о котором прежде он мог разве что мечтать.

Но и это было ещё не всё. Во исполнение негласной установки «партия всегда готова порадовать за нужного ей человечка» — и с грубейшим нарушением Устава Союза советских писателей — Георгия Владимова в сентябре 1961 года приняли в ряды этой казённой бюрократической организации. Приняли безо всяких обязательных формальностей — без единой изданной книги, без рассмотрения рекомендаций от членов СП, без прохождения кандидатуры соискателя через Приёмную комиссию. Просто приняли — и всё. Георгий Владимов утверждал, что это был третий такой случай в истории Союза писателей СССР:

«<...> первые два — Юрий Крымов с повестью “Танкер “Дербент” и Константин Симонов с поэмой “Генерал”. Четвёртым через полтора года стал Александр Солженицын с повестью “Один день Ивана Денисовича”».

Возникает вполне естественный вопрос: чем была обусловлена такая неслыханная милость? Какими такими особенными заслугами?

Ответ прост: Георгий Владимов — по-видимому, сам того до конца не осознавая, — написал произведение, которое было максимально выгодно правителям Советского Союза. Шофёр Виктор Пронякин, главный персонаж его повести, погибал за металл — в прямом смысле этого слова. Но это был не тот металл, который чаще всего подразумевается при цитировании «Фауста» в интерпретации Шарля Гуно, — это была железная руда. Стратегическое сырьё, жизненно необходимое первому в мире государству победившего здравый смысл социализма, намеревающемуся со временем завоевать весь остальной мир и распространить своё тоталитарное безумие на все страны и континенты. Соответственно, в восприятии коммунистических функционеров владимовская повесть содержала мощнейший пропагандистский заряд, который можно было использовать для

охмурения «полезных идиотов» как внутри Советской империи, так и за её пределами. Отсюда происходили и все градом обрушившиеся на автора «Большой руды» материальные блага и прочие милости. Начинаящего талантливого литератора покупали — открыто, нагло, цинично и безо всякого стеснения. Он был им нужен, и они не скупились. Тем паче, что расходы были до смешного ничтожны, а выгоды от такого приобретения представлялись намного превышающими затраты.

Если бы эти деятели только могли представить — какого «кота в мешке» они приобрели, — их бы наверняка хватил паралич. Если и не всех, то хотя бы некоторых.

* * *

Бывают люди, которые продаются легко. Бывают и такие, которые долго ломаются — выпендриваются — кочевряжатся — набивая себе цену. Большая часть страшно переживает от осознания того, что их никто не стремится купить, поскольку они и даром никому из тех, кто способен это сделать, не нужны. Но бывают и такие, которые не продаются — никогда и ни при каких обстоятельствах. Таких очень и очень мало, но они существуют. И горе тому, кто, свято веря в то, что в этом мире продаётся и покупается абсолютно всё, вдруг пожелает купить того, кто не продаёт себя ни за какие деньги.

Став членом Союза писателей, Георгий Владимов быстро осознал — куда он попал. Впечатления, сложившиеся у него за шестнадцать проведённых там лет, были сформулированы им в Открытом письме с объявлением о добровольном выходе из — как он определил сущность этой организации — «сообщества словоблудов и мракобесов», направленном совписовским начальникам в октябре 1977 года. Но до этого было ещё далеко. Пока же, в начале 1960-х, на гребне второй волны хрущёвской десталинизации советского общества, Владимову, как и многим его идейным единомышленникам, вошедшим в мир советской литературы одновременно с ним или чуть раньше — Владимиру Войновичу, Василию Аксёнову и другим, — казалось, что, если начатые Хрущёвым половинчатые реформы тоталитарной системы будут расширены и углублены, то в ближайшем будущем станет возможным освободить литературы от её главного тормоза — идеологической цензуры. Эти надежды оказались беспочвенными. Быстро осознав, к чему может привести дальнейшая либерализация режима, Хрущёв, пользуясь жаргоном автомобилистов, сначала «врубил заднюю» — и, устроив 1 декабря 1962 года приснопамятный дебош в московском Манеже на выставке художников-абстракционистов (которых, брызжа от ярости слюной, публично именовал «пидарасами»), тут же врезал по тормозам. После погрома в Манеже начались проработки писателей, якобы пытающихся подвергнуть ревизии концепцию «социалистического реализма в искусстве». С Оттепелью было покончено. В либеральных кругах советской интеллектуальной элиты за Хрущёвым

прочно закрепилось прозвище Хряк — с явным намёком не только на его непрезентабельную колхозную внешность, но и на умственные способности. После же свержения Хрущёва в результате дворцового переворота 13 октября 1964 года ситуация стала совершенно безнадёжной. Разрыв между властью и интеллигенцией стремительно разрастался, порождая среди представителей творческой части последней сначала фрондёрство на грани явного антисоветизма, а затем переход на открыто «антисоциалистические позиции». Ответом коммунистического режима стало тотальное «закручивание гаек». Цензура свирепствовала, душа всё сколько-нибудь талантливое, что пыталось пробиться сквозь наслоения идеологического бетона.

* * *

В такой обстановке в мае 1967 года в Москве начал работу IV съезд советских писателей.

Мероприятие это вошло в историю российской литературы советского периода в основном двумя событиями: случившимся накануне открытия съезда награждением Союза писателей СССР орденом Ленина (что было воспринято частью его членов, придерживавшихся либеральных взглядов, как пошлый анекдот), а также острой конфликтной ситуацией вокруг Открытого письма Александра Солженицына.

Началось с того, что незадолго до открытия съезда этот писатель, получивший после публикации в 1962 году повести «Один день Ивана Денисовича» сначала всесоюзную, а затем и всемирную известность, написал Открытое письмо, адресованное президиуму съезда и его делегатам, а также редакциям центральных газет и литературных журналов. В этом обращении Солженицын (сам делегатом съезда не являвшийся) выступил с настоятельным призывом — обсудить на предстоящем писательском форуме положение, в котором пребывает советская литература, на протяжении десятилетий находящаяся под гнётом идеологической цензуры. Назвав цензуру «пережитком средневековья», присвоившим себе право отделять «достойные» книги от «недостойных», обращаясь к собратьям по перу, Солженицын писал:

«Не предусмотренная конституцией и потому незаконная, нигде публично не называемая цензура под затуманенным именем “Главлита” тяготеет над нашей художественной литературой и осуществляет произвол литературно неграмотных людей над писателями. <...>

За нашими писателями не предполагается, не признаётся право высказывать опережающие суждения о нравственной жизни человека и общества, по-своему изъяснять социальные проблемы или исторический опыт, так глубоко выстраданный в нашей стране. Произведения <...> запрещаются или уродуются цензурой по соображениям мелочным, эгоистическим, <...> недалёковидным. <...>

Многие <...> делегаты этого съезда знают, как они сами не устаивали перед цензурным давлением и уступали в структуре и замысле своих книг, заменяли в них главы, страницы, абзацы, фразы, снабжали блёклыми названиями, чтобы только увидеть их в печати, и тем непоправимо исказили их. По понятному свойству литературы все эти искажения губительны для талантливых произведений и совершенно нечувствительны для бездарных. Именно лучшая часть нашей литературы появляется на свет в искажённом виде. <...>

Я предлагаю Съезду принять требование и добиться упразднения всякой — явной или скрытой — цензуры над художественными произведениями, освободить издательства от повинности получать разрешение на каждый печатный лист»».

Во второй части обращения, методично перечислив все случаи репрессивно-го давления на него самого — от негласных запретов на публикацию уже принятых редакциями новых произведений до незаконного изъятия тайной политической полицией его писательского архива, — Солженицын призвал коллег по перу выступить на съезде не только против цензуры вообще, но также и в его собственную от неё защиту.

Составив письмо, Александр Исаевич начал 16 мая 1967 года рассылать его по адресам всех ему известных членов Союза писателей, на чью поддержку он считал возможным рассчитывать. Одновременно с этим его копии были отправлены также в Правление Союза писателей СССР и в редакции газет и журналов.

Сказать, что эффект от появления данного обращения был аналогичен тому, который возникает от взрыва гранаты, брошенной в навозную кучу, — значит не сказать ничего. Солженицынская граната сработала как портативная атомная бомба. Писательское сообщество мгновенно забурлило, словно взбаламученный тихий и заросший ряской пруд, и по поверхности этого условного водоёма пошли крупные концентрические круги.

В считанные дни в поддержку воззвания Солженицына против засилья цензуры выступило около сотни литераторов. В их числе были представители самых разных возрастов, жанровых направлений и идейных убеждений — от пожилого поэта Павла Антокольского и среднего возраста беллетриста Виктора Ко-нецкого (оба — члены коммунистической партии) до будущих советских диссидентов и бывших политзаключённых — вроде литературоведа Феликса Светова и поэта-переводчика Константина Богатырёва (ставшего, как ныне принято считать, жертвой покушения со стороны КГБ, устроенного в 1976 году в подъезде его собственного дома). Были в числе поддержавших требование Солженицына ликвидировать идеологическую цензуру и писатели с откровенно сомнительной репутацией — такие, как, например, Валентин Катаев.

Однако больше всего среди тех, кто выступил солидарно с автором «Одного дня Ивана Денисовича», было литераторов из так называемого «либерального

лагеря» и им сочувствующих. По инициативе Константина Паустовского и ряда других писателей было составлено коллективное Открытое письмо, адресованное президиуму и делегатам съезда, в котором говорилось:

«Письмо А. И. Солженицына ставит перед съездом писателей и перед каждым из нас вопросы чрезвычайной важности. Мы считаем, что невозможно делать вид, будто этого письма нет, и просто отмолчаться. Позиция умолчания неизбежно нанесла бы серьёзный ущерб авторитету нашей литературы и достоинству нашего общества.

Только открытое обсуждение письма, обеспеченное широкой гласностью, может явиться гарантией здорового будущего нашей литературы, призванной быть совестью народа».

Письмо подписали 80 человек — беллетристы, поэты, литературоведы, рецензенты, редакторы. Среди них — Василий Аксёнов, Владимир Войнович, Александр Галич, Анатолий Гладилин, Фазиль Искандер, Вениамин Каверин, Владимир Корнилов, Юрий Трифонов и многие другие. Были в числе подписантов и коммунисты — например, поэты Булат Окуджава и Борис Слуцкий. Подписи беспартийного Георгия Владимова, однако, не было. Он, как стало ясно спустя несколько дней, сумел заранее просчитать развитие событий на съезде и, как и было свойственно его личности, «сыграл в свою игру».

Внимательно следя за тем, что происходит на съезде, и видя, что президиум целенаправленно саботирует обсуждение «солженицынского вопроса», Владимов 26 мая 1967 года, в предпоследний день его работы, отправил туда собственное Открытое письмо. Содержание этого документа было таково, что его можно было ставить вровень с обращением Солженицына, причём по ряду формулировок письмо Владимова имело ещё более радикальный характер. Обращаясь к коллегам по профессии, автор «Большой руды» решительно выступил в поддержку «возмутителя спокойствия», назвав его писателем, «в котором сейчас больше всего нуждается <...> Россия» и которому «суждено прославить её в мире и ответить нам на все большие вопросы выстраданных нами трагедий». И продолжал:

«[Я] не знаю иного автора, кто имел бы больше права и больше силы для такой задачи. Не в обиду будь сказано Съезду, но, вероятно, 9/10 его делегатов едва ли вынесут свои имена за порог нашего века. Александр же Солженицын, гордость русской литературы, донесёт своё имя много подале. И если ему сейчас физически трудно выполнить свою задачу по причинам достаточно вам известным, изложенным в его письме, то не дело ли Съезда, не честь ли для него — защитить и оберечь этого писателя от всех превратностей его индивидуальной судьбы?»

Далее, решительно осудив клеветническую кампанию по дискредитации личности Солженицына, исподволь осуществляющуюся советским руководством,

Владимов обрушил на головы делегатов съезда град вопросов, от которых подавляющему большинству из них должно было стать по крайней мере не по себе:

«И вот я хочу спросить полномочный Съезд — нация мы подонков, шептунов и стукачей или же мы великий народ, подаривший миру бесподобную плеяду гениев? Солженицын свою задачу выполнит, я верю в это столь же твёрдо, как верит он сам, — но мы-то, мы здесь при чём? Мы его защитили от обысков и конфискаций? Мы пробили его произведения в печать? Мы отвели от его лица липкую зловонную руку клеветы? Мы хоть ответили ему вразумительно из наших редакций и правлений, когда он искал ответа?»

После чего завершил своё Открытое письмо предложением, больше похожим на ультиматум:

«Письмо Солженицына стало уже документом, который обойти молчанием нельзя, недостойно для честных художников. Я предлагаю Съезду обсудить это письмо в открытом заседании, вынести по нему ясное и недвусмысленное решение и представить это решение правительству страны».

Это была уже не просто дерзость — это был открытый вызов, брошенный системе. Шире — всему коммунистическому тоталитарному режиму. В автобиографической книге «Бодался телёнок с дубом» Александр Солженицын назвал письмо Владимова съезду писателей «доблестным» и «безоглядным», признав, что в некоторых моментах тот пошёл ещё дальше него самого.

Само собой, никаких положительных последствий в «деле Солженицына» демарш Владимова не имел — его Открытое письмо было проигнорировано писательским начальством точно так же, как и письмо самого Солженицына. Публикации же его текста в Советском Союзе — не в Самиздате, а в официозной печати — пришлось и вовсе ждать 22 года. Но это — в плане краткосрочной перспективы. В плане же перспективы долгосрочной можно с достаточной долей уверенности высказать предположение, что именно с этого дня — 26 мая 1967 года — и начался путь писателя Георгия Владимова не только в советские диссиденты, но и к тому статусу, которым он ныне в истории российской литературы обладает.

* * *

Что было дальше? Дальше было именно то, что и бывает с людьми, вынужденными существовать в условиях подавляющей любые проявления инакомыслия тирании и не способными поступать против собственной совести.

Была публикация за пределами Советского Союза повести «Верный Руслан» — написанной от первого лица, и не человека, а собаки — история жизни и гибели караульного пса, брошенного своим хозяином-вертухаем после расформирования концлагеря, в котором они с Русланом служили. Выучка, которую проходили

Георгий Владимов покидает СССР. Шереметьево, 26 мая 1983 года

гулагерные овчарки, не позволяла им брать корм из рук никакого другого человека кроме своего хозяина, поэтому, оказавшись предоставленными самим себе, они были обречены на медленную голодную смерть. Повесть эта, переведённая на все основные мировые языки и изданная во множестве стран, сделала Георгия Владимова всемирно известным писателем.

Было участие в советском диссидентском движении в качестве политическо-го публициста и председателя московской группы международной правозащитной организации «Amnesty International» («Международная амнистия»).

Было преследование советской тайной политической полицией — КГБ, полномасштабный психологический террор — от изъятия адресованных ему со всего мира почтовых отправок и отключения квартирного телефона до круглосуточной слежки гэбистскими топтунами и подсыпания сахарного песка в бензобак, сворачивания крепёжных гаек и прокалывания шин на колёсах автомобиля. Были многочасовые нудные допросы на Лубянке, один из которых, осенью 1981 года, привёл к развитию у пятидесятилетнего Владимова острого сердечного приступа и завершился неотложной госпитализацией, когда врачам в самом буквальном смысле пришлось бороться за его жизнь. Ну и, разумеется, два квартирных обыска — 5 февраля и 28 декабря 1982 года, на последнем из которых гэбисты украли у него две пишущих машинки — главные в ту пору орудия писательского труда. Единственно, чего не было, — это ареста и последующего осуждения по обвинению в проведении «антисоветской агитации и пропаганды». От этого автора «Верного Руслана» и «Трёх минут молчания» спасло только согласие на вынужденную эмиграцию из Советского Союза, который он поки-

нул 26 мая 1983 года, получив разрешение отправиться в Западную Германию по формальному приглашению Кёльнского университета — читать студентам лекции о современной российской литературе. А чтобы у новоявленного лектора не возникло иллюзий относительно того, что он когда-нибудь сможет вернуться туда, откуда его выжили, — месяцем позже был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О лишении советского гражданства Владимова (Волосевича) Г. Н.»...

Всё это было. Было — и прошло. Поскольку по-иному и быть не могло.

* * *

Ныне, по прошествии уже семнадцати лет после кончины Георгия Владимова, имя этого писателя продолжает оставаться на слуху у всех, кто не представляет своей жизни без чтения. Переиздаются — пусть и в гораздо меньших, чем следует, количествах — его книги. Печатаются в периодике воспоминания об этом человеке ещё остающихся в живых его современников и литературоведческие работы, посвящённые исследованию его жизни и творчества. Вероятно появление в обозримой перспективе первой его полноценной биографии, что также невозможно не приветствовать.

Что же касается данной публикации, то главной её целью является желание автора — то есть моё желание — в очередной раз напомнить своим читателям о том, что важнейшей заповедью, которой следует руководствоваться тому, кто вынужден существовать в условиях авторитарного режима, стремящегося к превращению в режим тоталитарный, является общеизвестная максима, гласящая: «Делай, что должно, и будь, что будет». Именно ею неизменно руководствовался, делая «свою игру», выдающийся российский писатель Георгий Николаевич Владимов, от дня рождения которого 19 февраля 2021 года исполнилось 90 лет.